
Khubbitdinova, N.A. & Yuldybaeva G.V. (2020). Sanatsal ve Estetik Bir Unsur Olarak Edebi Yaratıcılıkta Destansı Gelenekler. *Folklor Akademi Dergisi*. Cilt:3, Sayı:3, 590 – 610.

Makale Bilgisi / Article Info

Geliş / Recieved: 17.11.2020

Kabul / Accepted: 14.12.2020

Araştırma Makalesi/Research Article

SANATSAL VE ESTETİK BİR UNSUR OLARAK EDEBİ YARATICILIKTA DESTANSI GELENEKLER

NERKES AKHMETOVNA KHUBBITDINOVA* & GULNAR VILBANOVNA YULDYBAEVA**

Öz

Edebiyatta folklor geleneklerini ortaya çıkarmak ve incelemek filoloji bilimi için acil bir sorundur. Folklor estetiğinin sanatsal ve estetik işlevselliğinin hem sözlü halk sanatı, özellikle destan, hem de edebi çalışmalarında tesis edilmesi bu konunun önemini artırmaktadır. Bununla birlikte, hem destansı bir anıtın dokusunda hem de edebi bir romanın veya hikayenin olay örgüsünde yer alan geleneksel imgelerin, motiflerin, olay örgüsünün yanı sıra ritüel ve geleneklerin tanımlanmasına ve oluşturulmasına adanmış çalışmalarda, sanatsal işlevselliğine çok az dikkat edilir (veya hatta atlanır). Bu makalede yapılan çalışmanın yeniliği budur.

Makalenin amacı, epik ve edebi eserlerde kullanımlarının özelliklerini izlemek için bireysel folklor tematik motifleri (muhtemelen anahtar), imgeleri tanımlamaktır.

Araştırmanın materyalleri, folklor geleneklerinin sanatsal ve estetik öneminin en açık şekilde ifade edildiği Başkurt destanı, bireysel yazarların edebi eserleriydi. Burada özellikle Başkurt destanları "Ural-Batyr", "Akhak-Kola" örneği kullanılarak, geleneklerin hem dar hem de geniş anlamıyla sanatsal ve estetik bulunduğu ulusal edebiyatta, etnopedagojik geleneklerin ideolojik ve tematik yansımaları ortaya çıkarmak ve analiz etmek için bir girişimde bulunulmuştur.

Araştırma yöntemi olarak destansı yaratımın doğası hakkındaki bilgiyi genişletecek ve derinleştirecek sistemik, entegre bir yaklaşımın uygulanmasıyla birlikte folklor geleneklerinin başlangıçta sanatsal zenginleştiğinin bir aracı olarak kullanıldığı bir edebi eserde doktolojik, analitik, karşılaştırmalı analiz yöntemleri seçildi.

---

* Doctor of Philological Sciences, Principal Researcher, Department of Literary Studies, Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the RAS, Ufa, Russia, narkas08@mail.ru ORCID: 0000-0003-3719-6978

** Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher, Department of folklore, Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the RAS, Ufa, Russia, nargul1976@list.ru ORCID: 0000-0002-4973-2267

Makalenin yazarları, destanların yüzyıllardır şekillenen ve halk sözlü ve şiirsel yaratıcılığında korunan sanatsal geleneklerinin cilalandığı, ağızdan ağıza, nesilden nesile geçtiği, bu da anlatı yaratıcılığında bir gelenek olduğu sonucuna varmışlardır. Destanlarda evrensel, hümanist, ahlaki ve etik ilkeler, aynı zamanda bir gelenek olan didaktik, öğretici ilke, kadimlerin antlaşması ve bilgeliği ile iç içe geçmiştir. Hem ortaçağ Başkurt şiiri hem de modern düzyazı metinleri çoğu kez epik tuvalerinde insanların mitolojik bakış açısını, inançlarını ve kutsal bilgilerini içerir. Bu nedenle, ikincisinde, birçok Türk halkının kutsal, totemik bir hayvanı olan bir kurt imgesi tarafından özel bir statü işgal edilir. Edebi bir eser olarak “Bashkurtlar”, bireysel yaratıcılığın meyvesi, genellikle sanatsal olarak dönüştürülmüş bir tür sanatsal ve estetik işlevsellik ile donatılmış halk geleneklerine atıfta bulunur.

Anahtar Kelimeler: folklor, edebiyat, gelenekler, sanatsal ve estetik işlevler, olaylar, motifler, fikirler, destan, roman, yazar çalışması.

EPIC TRADITIONS IN LITERARY CREATIVITY AS A ARTISTIC AND AESTHETIC ELEMENT

Abstract

The identification and study of folk traditions in literary work is an urgent problem in philological science. The establishment of their artistic and aesthetic functionality, both in the work of folklore, epic, in particular, and literary, enhances the significance of this issue, as evidenced by the works and studies of a number of scientists devoted to it. However, in studies devoted only to the identification and establishment of traditional images, motifs, plots, as well as rituals and customs included both in the fabric of an epic monument and in the plot of a literary novel or story, little attention is paid (or even avoided) precisely to their artistic functionality in the works. This is the novelty of the study conducted in this article.

Without claiming a comprehensive coverage of all traditional art forms, ancient rites and customs, the purpose of the article is to identify individual folklore thematic motifs (possibly key), images, to trace the features of their use in epics and literary creation. The task is to establish the artistic and aesthetic reflection of folk traditions, as well as ethnopedagogical customs, instructive traditions in the folk epic and national literature.

The materials of the study were the Bashkir epic, literary works of individual writers, in which the artistic and aesthetic significance of folk traditions is most clearly expressed. In particular, on the example of the Bashkir epics “Ural-Batyr”, “Akhak-Kola”, an attempt was made to disclose and analyze the reflection of folklore, ethno-pedagogical traditions in national literature, in which traditions, both in a narrow and broad sense, found an artistic and aesthetic, ideological and thematic reflection.

As research methods selected textual, analytical, comparative comparative methods of analysis using a systematic, integrated approach to it, which will expand and deepen

---

---

knowledge about the nature of epic creation, a literary work in which folk traditions were originally used as a means of artistic enrichment.

The authors of the article come to the conclusion that for centuries the artistic traditions of the epic - kubair, compiled and preserved in folklore and poetic art, were polished, passed from mouth to mouth, from generation to generation, which was also a tradition, a tradition in narrative creativity. In them, universal, humanistic, moral and ethical principles were intertwined with the didactic, instructive beginning, covenant and wisdom of the ancients, which was also a tradition. Both medieval Bashkir poetry and modern prose often include in their epic canvas the mythological view of the people, their beliefs and sacred knowledge. So, in the latter, the image of a wolf occupies a special status, being a sacred, totem animal of many Turkic peoples, Bashkirs, including a literary work, being the fruit of individual creativity, often refers to folk traditions that are artistically transformed, endowed with a kind of artistic and aesthetic functionality.

Keywords: folklore, literature, traditions, artistic and aesthetic functions, plots, motives, ideas, epic, novel, author's work.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ СВОЕОБРАЗИЯ ЭПИЧЕСКИХ НАРОДНЫХ ТРАДИЦИЙ В БАШКИРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Аннотация

Выявление и изучение фольклорных традиций в литературе является актуальной проблемой в филологической науке. Установление их художественно-эстетической функциональности фольклорной эстетики, как в произведении устного народного творчества, эпического, в частности, так и литературного, усиливает значимость данного вопроса. Однако в исследованиях, посвященных лишь выявлению и установлению традиционных образов, мотивов, сюжетов, а также обрядов и обычаев, включенных как в ткань эпического памятника, так и в сюжет литературного романа или повести, мало обращается внимания (или вовсе обходится стороной) именно их художественная функциональность в произведениях. В этом заключается новизна исследования, проводимого в данной статье.

Цель статьи заключается в выявлении отдельных фольклорных тематических мотивов (возможно, ключевых), образов, в прослеживании особенностей их использования в эпосе и литературном творчестве.

Материалами исследования послужили башкирский эпос, литературные произведения отдельных писателей, в которых ярче всего выражена художественно-эстетическая значимость фольклорных традиций. В частности, на примере башкирских эпосов «Урал-батыр», «Акхак-Кола» предпринята попытка раскрыть и проанализировать отражение фольклорных, этнопедагогических

традиций в национальной литературе, в которых традиции, как в узком, так и в широком их понимании находили художественно-эстетическое, идейно-тематическое отражение.

Методами исследования избраны текстологический, аналитический, сравнительно-сопоставительный способы анализа с применением к нему системного, комплексного подходов, что позволит расширить и углубить знания о природе эпосотворчества, литературного произведения, в котором своеобразно использовались фольклорные традиции, как средство его художественного обогащения.

Авторы статьи приходят к выводу, что веками сложенные и сохранившиеся в народном устно-поэтическом творчестве художественные традиции эпоса – кубаира, отшлифовывались, передаваясь из уст в уста, из поколения в поколение, что также являлось традицией, обычаем в повествовательном творчестве. В них общечеловеческие, гуманистические, нравственно-этические принципы переплетались с дидактическим, поучительным началом, заветом и мудростью древних, что также было традицией. Как средневековая башкирская поэзия, так и современная проза часто включает в свое эпическое полотно мифологическое воззрение народа, его верования и сакральные знания. Так, в последнем особенный статус занимает образ волка, являющийся священным, тотемным животным многих тюркских народов, башкир, в т. ч. Литературное же произведение, являясь плодом индивидуального творчества, часто обращается к фольклорным традициям, которые художественно трансформируются, наделяются своеобразной художественно-эстетической функциональностью.

Ключевые слова: фольклор, литература, традиции, художественно-эстетические функции, сюжеты, мотивы, идеи, эпос, роман, авторское произведение.

Введение

Литература, основываясь на фольклоре, на протяжении всего своего развития обращалась и продолжает обращаться к традициям устно-поэтического творчества. Основными художественными элементами, часто встречающимися в литературном произведении, являются сказочные, мифические или эпические сюжеты, мотивы, образы. Основные идеи этнопедагогики, мировоззрение народа, его верования также находят свое отражение в литературном произведении. Эти и другие фольклорные традиции выступают в литературе своеобразным художественно-эстетическим элементом и выполняют важные идейно-художественные функции.

Проблема выявления и изучения эпических традиций, изучение их отражения в литературе была и остается актуальной и сегодня. Ей в разные годы обращались ученые и исследователи, которые на прямую или косвенно в отдельных параграфах монографических работ, статьях затрагивали ее (М.К. Азадовский, В.Г. Базанов, В.В. Блажес, А.М. Веселовский, У.Б. Далгат, Л.И. Емельянов, А.И. Лазарев, Д.Н. Медриш, Е.М. Мелетинский, В.В. Митрофанов, О.А. Нурмагамбетова, А.А. Потебня, В.Я. Пропп, Б.Н. Путилов, Б.Л. Рифтин, Е.В. Чистов, К.А. Ахмедьянов, С.А. Галин, М.Х. Идельбаев, А.Н. Киреев (Кирей Мэргэн), Г.С. Кунафин, М.Г. Рахимкулов, С.Г. Сафуанов, А.М. Сулейманов, А.И. Харисов, Г.Б. Хусаинов и др.). В них наблюдения ведутся односторонне, в основном речь идет о выявлении традиционных, мифологических образов, мотивов, сюжетов, а также обрядов и обычаев как в эпических памятниках разных народов, так и включенных сюжетную ткань авторских романов или повестей. Однако в них либо мало, либо вовсе не обращается внимания изучению их художественных особенностей, не раскрывается их функциональность в произведениях. Применение же системного и комплексного подходов в изучение этого вопроса во многом позволит поэтапному достижению и решению преследуемых целей и задач, а именно позволяет не только выявить эти мифологические, сказочные, эпикоархаические художественные формы, но и установить семантику, природу использованных сказителем или автором этих традиций как в эпосе, так и в литературе.

Изучение художественной репрезентации этих традиций в литературном творчестве с выявлением традиционного мотивного ряда, сюжетов и образов, установлением их функциональности в авторском произведении усиливает значимость исследования. Потому что, как писал Б. В. Томашевский, ограничение лишь выявлением наличия в литературном творчестве каких-то традиционных художественных элементов или схожести (параллелей), а также интертекстуальности являются «сырым материалом» без уяснения их особенностей, характера, функции. Это будет представлять собой «литературное коллекционирование» (Томашевский, 1960: 81-82). Это во многом подтверждается тем, что народное эпическое творчество, прежде всего, опирается на художественно-эстетическое изображение исторических событий из жизни рода, их обычаев, традиций, предрассудки и суеверия. В эпосе поэтически выражены смелость и удаль батыров – народных героев, воспета девственная красота и неповторимость природы родного края. Героическое начало в эпосе переплетается с народной мудростью, моралью, красноречивым языком, богатым внутренним миром и философичностью ума. Эти особенности находят в литературном произведении как своеобразные, самобытные художественные детали, инструменты, которые помогают в раскрытии его значимых идейно-художественных, идейно-тематических особенностей. Другими словами, выполняют важные художественно-эстетические функции. Выявление этих фольклорных традиций, как в эпосе, так и в литературном произведении является целью данной статьи.

Материалами исследования является эпос, который, как и любой другой жанр фольклора, передавался из уст в уста, обрастал вариантами, выходя за пределы родного Иля – страны, рода, наращивался версиями. В особенности на примере башкирских эпосов «Урал-батыр», «Акхак-Кола» предпринята попытка раскрыть и проанализировать отражение фольклорных, этнопедагогических традиций в национальной литературе, в которых традиции, как в узком, так и в широком их понимании находили художественно-эстетическое, идейно-тематическое отражение. Выбор данных произведений обусловлен тем, что, во-первых, эпос «Урал-батыр» является одним из древних, архаических эпических памятников башкирского народа и в нем сфокусированы не только древние мифологические художественные формы и элементы, но и отражены сакральные обряды и обычаи. Во-вторых, один из образцов животного эпоса «Акхак-Кола» на сегодняшний день не подвергался достаточно подробному и всестороннему изучению башкирскими учеными. Есть некоторые

наблюдения М.М. Сагитова, А.И. Киреева, Р.А. Султангареевой, однако в их работах (отдельных статьях и выступлениях) еще не раскрыта вся художественно-эстетическая, идейно-тематическая составляющая данного эпоса. Попытка рассмотреть данное произведение в данной статье в свете поставленной проблемы позволит пополнить знания о нем и положит начало его всестороннего изучения.

Литературное же творчество, основываясь на фольклорных традициях, художественно перенимает либо их сюжет, композиционные особенности, мотивы, либо отдельные образы или систему образов, их стилевое, поэтическое своеобразие и рождает литературное произведение в одном единственном и окончательном варианте. Материалами исследования литературного произведения в данном ключе являются «Кисса-и Йусуф» (1212) Кул-Гали, а также произведения современных авторов. Выбор средневековой поэмы был обусловлен тем, что именно в ней ярче всего отражен традиционный, сюжетобразующий мотивный ряд, выявление и описание которого является неким иллюстративным материалом в данном исследовании, представленном в статье. Конечно, те или иные фольклорные традиции находили свое идейно-художественное отражение в башкирской литературе и в последующих веках, о чем свидетельствует трилогия Г. М. Якуповой «Женщины», роман Т. Х. Гариповой «Буренушка», что говорит о сохранности традиций художественного использования фольклора в современной литературе. Так, если в поэме «Кисса-и Йусуф» (1212) средневекового башкирского поэта Кул-Гали можно встретить художественное применение сюжетобразующего мотива сна, точнее, вещего сна, который вызывает устойчивую реминисценцию на фольклорный мотив сновидения, то в романах Т. Х. Гариповой «Буренушка» (2009), Г. М. Якуповой «Женщины» (2013) находим изображение образа тотемного животного волка, а также ряда обрядов и обычаев башкирского народа.

Фольклорные традиции в эпосе: художественно-эстетические особенности

Эпос, являясь плодом коллективного творчества, складывался, исполнялся, отшлифовывался на протяжении эпох многими поколениями, передаваясь из уст в уста, из рода в род. Следовательно, он не имеет своего определенного творца – им является народ. По мнению А.Н. Веселовского, лиро-эпические песни играли огромную роль в создании монументального эпоса. В этих песнях выражался

отклик на реальную действительность, на те или иные исторические события, происходящие в жизни народа (Veselovskiy, 1989: 56-57).

По мнению ученых, заложивших основу методологии изучения национального эпоса, произведения данного эпического жанра начали складываться в период разложения родоплеменного строя, в нем отражались мировоззрения людей их верования и познания (Veselovskiy, 1989: 28). А некоторые же «образцы развитого эпоса непосредственно вырастают из архаического эпоса, как из первоначального ядра, путем постепенной трансформации, обработки произведений архаической эпики» (Meletinskiy, 1986: 67, 24). В последнем исторические события переплетаются с мифологической фантастикой. Хотя обычно эпический герой изображается непомерно сильным физически, все же для достижения некоей цели ему помогают положительные мифические силы. Однако помощь приходит ему либо в ответ на добрый, милосердный поступок самого героя по отношению к этой силе (это может быть волшебный конь, старик или старуха и т. д.), либо после выполнения им определенных условий. Например, в башкирском народном эпосе «Урал-батыр» боевым спутником, другом и помощником героя является крылатый Акбузат, который был подарен ему прекрасной лебедь-птицей Хумай – дочерью самого царя Солнца:

*... Утка төшһә, янмаҫтай,
Һыуға төшһә, батмаҫтай,
Ел дә кыуып етмәҫтәй,
Таузан-таштан өркмәҫтәй,
Ир-егеттән бүтәнде
Үзенә тиң күрмәҫтәй;
Тинһә, тау-таш сорғотоп,
Саһһә, диңгез ярырай...
(Mirbadaleva, 1977: 109).*

...В огонь попадет – не сгорит,
В воде не утонет [он],
Ветру не даст угнаться за собой,
Не устрашится гор и скал,
Кроме храброго егета, никого
Равным не признает себе,
Ударит копытом – горы рассыплются в прах,
Поскачет – моря рассечет...
(Mirbadaleva, 1977: 318).

Таким даром – подарком хочет поделиться Хумай с Уралом, если он выполнит следующее:

*...Бәтә донъя кош төсөн
Үз өҫтөндә бизәгән
Бер кош эзләп таһһаң һин,*

...Если ты (Урал-батыр. – Н.Х., Г.Ю.)
птицу
найдешь,

Шуны табып кайтһаң һин, Которой нет в моей стране,
Минән ярзам күрерһең... ...Если найдешь ее и сюда привезешь,
(Mirbadaleva, 1977: 108). Помощь получишь от меня
(Mirbadaleva, 1977: 318).

И сама Хумай обещает стать женой того батыра, который выполнит ряд ее условий:

...Бер зур майзан ...Я устрою большой майдан,
корайым Испытаю богатырство твое (батыра – Н. Х.,
Батырлығың һынайым, Ю. Г.),
Шунда даның күрәйем. Увижу, как прославишься там.
Буз атым бар йырақта, Есть белый конь (Акбузат. – Н. Х., Ю. Г.)
Әсәм биргән бүләккә, у меня
Майзаным шул килер, вдалеке.
Батыр булһаң, ул белер. Подарила его мне мать,
Майзанымда буз атты Прискачет он на майдан,
Кулыңа алып меналһаң, Если ты батыр – узнает тебя,
Эйәренең кашынан Если сумеешь на майдане коня
Булат кылысын алалһаң, Схватить и сесть на него верхом,
Шундай батыр Снять с его седла
булалһаң, – Булатный меч,
Бузым бүләк кылайым; Если таким батыром окажешься ты,
Атама әйтеп туй яһап, Тогда Буза тебе подарю,
Үзеңә йәр булайым Попрошу отца свадьбу сыграть,
(Mirbadaleva, 1977: 123). Стану возлюбленной твоей (Mirbadaleva,
1977: 333-334).

Покорить крылатого Акбузата с «золотыми удилами в узде», с «ушами словно шило наводстренными», с «грудью как у кречета», с «медью отливающимися как у зайца глазами», с «шеей, словно изогнувшейся змеи» оказалось под силу только защитнику добра и справедливости, человеколюбивому, честному и благородному батыру Уралу. Этих успехов не смог достичь его старший брат Шульген, потому что он был корыстолюбивым, завистливым и злобным человеком. Нарушив однажды отцовский запрет пить звериную кровь, он сошел на скользкую дорожку лжи и ненависти, из юноши с чистой душой превратился в эгоистичного персонажа, перейдя, таким образом, в лагерь отрицательных героев в системе образов эпоса. Это в особенности ярко проявляется в эпизоде, где еще никто не знает о его черных намерениях и желании во что бы то не стало отнять честь и славу у своего

Sanatsal ve Estetik Bir Unsur Olarak Edebi Yaratıcılıkta Destansı Gelenekler

младшего брата Урал-батыра и жениться на прекрасной Хумай, и он задумал зло:

*Урал батыр былай дан алһа,
«Атама данлы кайтһа,
Батыр булып макталыр,
Бар эштә лә өҫ булып,
Минең һүззәр аҫ калыр», –
Тип, эсенән көнләшкән.
... Ул Уралды үлтәрер,
Үзе данлы ир булып,
Һомайзы ла үзе алып;
... Дан алыузы уйлаган*
(Mirbadaleva, 1977: 119).

«Если прославится Урал,
Вернется со славой к отцу,
Будет возвеличен как батыр,
Во всех делах верх возьмет,
Никто и слушать не станет меня», –
Так, завидуя, прикидывал он.
... Замыслил он брата убить,
Славу у батыра отнять,
Овладесть красавицей Хумай...
Славу себе добыть (Mirbadaleva, 1977: 329).

В основе сформировавшейся формулы – тематического мотива «за выполненными условиями последует помощь» или «выполненное условие – помощь», возможно, лежат веками выработанные в художественном мышлении людей эпические традиции. Они, в свою очередь, основываются на народном морально-поучительном, нравственно-этическом, эстетическом законе, гласящем о необходимости ответить добром за добро, умения видеть и познавать гармонию в природе, ценить и уважать ее. В эпических традициях также сохранилась этнопедагогика, цементирующая высказанные нравственно-этические, дидактические принципы и идеи в образе батыра и тех его качеств, присущих настоящему мужчине-воину, истинному батыру, способному защитить свой народ и свою землю от злых духов в раннем эпосе и иноземных захватчиков в более поздней эпике.

Термин традиция, следовательно, понимаем в различном значении. В художественно-эстетическом разрезе под традициями мы подразумеваем народные обряды и обычаи, представляющие собой «словесно-поэтический акт, отображающий, с одной стороны, древние традиции, верования, а с другой – ... художественно-эстетические образцы народной поэзии», а также их «мифологических, мировоззренческих основ» (Sultangareyeva, 1998: 9). Фольклорными традициями в тексте выступают мотивы, сюжеты, образы, которые устойчиво сохраняют поэтические, тематические, идейные установки, художественно-эстетические разновидности, являющиеся неотъемлемой частью необрядового фольклора – сказок, эпоса, легенд, преданий, песен, песен-легенд и т. д.

В изучении таких фольклорных традиций, как сюжет и мотив в отечественной фольклористике и литературоведении существуют различные направления. В частности, была предпринята попытка обобщить существующие в науке разновидности трактовок относительно этого вопроса: семантическая, морфологическая, тематическая, принцип системности мотива, дихотомическая теория мотива (Hubbitdinova, 2016: 13). У истоков семантического метода изучения мотивов стоял А. Н. Веселовский, который под мотивом понимал простейшую повествовательную единицу. По его верному мнению, сюжет разлагается на мотивы, и ему же (сюжету) принадлежит творческий акт объединения, собирания воедино мотивов, представляющих собой «неразложимые элементы сказки». При этом под неразложимостью мотивов ученый понимал его семантическую целостность, т. е. единство значений (Veselovskiy, 1989: 301; Belov, 1972:106). Б. В. Томашевский, в отличие от А. Н. Веселовского и его последователей, дал мотиву тематическую трактовку, подразумевая под темой мотивы, являющиеся неразложимыми частями произведения (Tomashëvskiy, 1960: 137), что также разделял и Б. В. Шкловский. В изысканиях А. П. Скафтымова была предпринята попытка психологической трактовки мотива (Skaftimov, 1972; Şklovskiy, 1983), к которым можно было бы отнести популярные и кочующие тематические мотивы «любовного треугольника», «вещего сна», «добывания огня или солнца» и т. д.

В. Я. Пропп, как писал Б. Н. Путилов, указывал на разложимость мотива, именуемой им «функцией действующего лица», которой соответствует содержание термина «мотифема» (А. Дантес). По его мнению, функции действующего лица «представляют собой те составные части, которыми могут быть заменены «мотивы» Веселовского». В сказке эти функции тесно взаимодействуют друг с другом, «вытекают одна из другой, и все принадлежат одному и тому же стержню, хотя ни одна функция не исключает другую». Напротив, одни функции могут объединяться попарно («запрет» – «нарушение», «преследование» – «спасение» и т. д.), а другие – располагаться цепочкой («вредительство» – «призыв к помощи» – «решение героя противодействовать» – «отправка героя» и т. д.). Цепочка мотива «запрет» – «нарушение» может усложняться последствием «нарушения» «наказанием» («запрет» – «нарушение» – «наказание»). При этом мотивы все же остаются неразложимыми (Putilov, 2003: 18,29; Hubbitdinova, 2016: 14). Продолжая

цепочку мотивов «запрет» – «нарушение», можно указать на ее усложнение последствием «нарушения» «наказанием» («запрет» – «нарушение» – «наказание»). Например, в башкирском народном эпосе «Кузыйкурпес и Маянхылу» герой нарушает запрет матери и пускается в путь на поиски нареченной невесты, в наказание не успевает достигнуть своих намерений и погибает. В эпическом сказании «Урал-батыр» Шульген нарушает запрет отца, выпивая кровь из ракушки. Это нарушение приводит героя в стан враждебных человеку сил (Hubbitdinova, 2016: 14).

По мнению И. В. Силантьева, «функция действующего лица» главным образом углубила мотив в его семантической трактовке, где она (т. е. функция) является «обобщенным значением мотива, взятым в отвлечении от множества его фабульных вариантов» (Silantev, 1999: 13). О соответствии этим фабульным вариантам дихотомических (дуальных) мотивов писал А. И. Белецкий, когда два полярных начала связываются в единую систему в структуре мотива (Beletskiy, 1964: 434-435).

О системности мотива писали А. П. Скафтымов, О. М. Фрейденберг, В. Я. Пропп (Şklovskiy, 1983; Freydenberg, 1988; Propp, 1986), согласно которым «все мотивы находятся между собой в одном конструктивном строе, тождественном с основным строем сюжета... Случайных, не связанных с основой сюжета мотивов нет» (Freydenberg, 1988: 222). Потому что мотивы являются логически расположенными кирпичиками в строительстве либо основного сюжета, либо минисюжетов, дополняющих тот же основной. Иногда их называют сюжетообразующими мотивами. К примеру, в башкирском народном эпосе «Урал-батыр» ключевыми сюжетообразующими мотивами являются мотивы борьбы, этиологические и космогонические мотивы и т. п. (Hubbitdinova, 2016: 15). Эпосу также не чужды мотивы, связанные со свадебным обрядом, а именно мотивом выбора жениха. Таким мотивом в эпосе «Урал-батыр», например, является мотив «выбор суженого посредством одаривания его яблоком»:

*Урал да рэт бозмаган,
Баһын торған ыңғайға;
Батша кызы, аралап,
Бар егетте һайлаган,
Араһынан окшарзай*

...Урал тоже строй не нарушал,
Вместе с другими стоял.
Дочь падишаха, проходя по рядам,
Всех егетов (юношей. – Н. Х., Г. Ю.)
перебрала,

*Бер егет тә тапмаган.
Азак сиктә, якынлап,
Уралга килеп эткән, ти,
Туктап тороп шул ерзә
Уралга күз теккән, ти;
Кулына алып бер алма,
Уга бүләк иткән, ти...
... «Батша кызы һөйзө бит,
Батша кейәүе булды бит!» —
Тип, барыһы шау килеп...
(Mirbadaleva, 1977: 74-75).*

Но среди них по душе
Ни одного егета не нашла.
Наконец, она к Уралу
Приблизилась, говорят.
Остановилась возле него,
На Урала взглянула, говорят.
Взяла в руку яблоко она,
Подарила ему, говорят...
... «Дочь падишаха полюбила его,
Он зятем падишаха стал!» –
Закричали так, зашумели все...
(Mirbadaleva, 1977: 284-285).

И, действительно, батыр, пройдя все выпавшие на его долю испытания, соглашается жениться на царской дочери, которая и одарила его яблоком (Hubbitdinova, 2020: 81). В результате осуществления данного мотива, основная сюжетная линия пополняется новым микросюжетом и начинает развиваться в динамике.

Для более поздних работ характерен также переход от изолированного изучения мотива к описанию правил их сочетаемости и к освещению их отношения к целому (В. Я. Пропп, К. Леви-Стросс). Так, К. Леви-Стросс миф и сказку рассматривал с позиции «гиперструктурности», при которой мотив, сюжет рассматриваются с точки зрения лексики и грамматики (Levi-Stross, 1985: 31).

Как видим, при наличии многих взглядов и мнений относительно вопроса художественных традиций, а именно сюжета и мотива, следует отметить, что исследователи были единодушны в одном: все они фактически признают неразложимость, неделимость мотивов относительно основного сюжета, что, прежде всего, важно и для нас (Hubbitdinova, 2016: 15).

Одним из популярных и часто встречаемых тематических мотивов среди прочего можно отметить мотив, связанный со сном, сновидением. Например, в киргизском народном эпосе «Манас» жене Якупа снится сон о скором рождении сына, о чем предвещает ей некий святой старик (Yunusaliyev, 1984: 24, 199). В башкирском народном творчестве известна бытовая сказка «Царь, полюбивший во сне, женившийся

наяву», в которой царь во сне без ума влюбляется в прекрасную девушку, наяву теряет покой, велит своему визирю отправиться на ее поиски, который, в конечном счете, находит ее, и герой женится на возлюбленной (Suleymanov, 1981: 160-161).

Мотив «Вещего сна» также характерен и для эстетики эпосотворчества. Так, в башкирском народном эпосе «Акхак-Кола» повествуется о том, как кобылица предсказывает судьбу жеребца Акхак-Колы по его увиденному сну:

*Бөгәсә һин төш күрһәң,
Көнъяғалай шеш күрһәң,
Шеш башында ут күрһәң, –
Үз башыңа, карт кузак!
Аззырган да һин булдың,
Туззырган да һин булдың, –
Үз башыңа, карт кузак!* (Sagitov, 1972: 226).

Коль прошлой ночью ты видела сон,
Коль вертел большой видела в нем,
Коль с края был он охвачен огнем,
-
То на голову свою, старая кляча!
Это ты нас сбила с пути,
Подговорила, принудив уйти,
На свою голову, старая кляча!
(Sagitov, 1987: 191).

Увиденный сон, да еще подкрепленный проклятием других лошадей в будущем сбывается, события далее разворачиваются в трагическом ключе и не в пользу Акхак-Колы.

Таким образом, в эпических памятниках сохранилось изображение сакральных обрядов и обычаев наших предков, живы знания о жизнеутверждающей силе, основанной на их мировосприятии, мировоззрении (в эпосе «Урал-батыр» устойчивы такие понятия, как за добро ответить добром, жить в гармонии с природой, которую надо сохранять и беречь), также традиционные мотивы («за выполненными условиями последует помощь» или «выполненное условие – помощь», «вещего сна») и образ лошади нашли красочное изображение в эпосе «Акхак-Кола» – произведении о животных, которые более всего художественно отображают социально-бытовые основы башкир в старину.

Функциональность фольклорных традиций в башкирской литературе

Фольклорные традиции всегда были спутницами духовного обогащения людей, литературного творчества в том числе. Рассмотренные выше художественные традиции также находят отражение в литературном произведении и выполняют не менее значимые идейно-художественные функции в соответствии с требованием эпохи. Так, создание различных рыцарских, романтических романов во всем мире представляют собой процесс перехода от фольклора, коллективного творчества, традиций волшебного-героического эпоса к индивидуальному творчеству. В них приветствуется сказочная экзотика и любовная романтика с обязательным мотивным атрибутом «любовного треугольника», как авантюрно-приключенческого элемента, а действия, побуждения к этим действиям, желания и стремления героя теперь уже соотносятся не с интересами народа, родной земли, как это было в героическом эпосе, а – с его личностным началом, потребностями, эмоциональными, душевными чувствами и переживаниями. Но художественность, романтическая возвышенность достигается благодаря мастерскому и уместному использованию фольклорных традиций.

Так, в знаменитой поэме Кул-Гали «Кисса-и Йусуф» (1212), являющейся общим духовным достоянием народов Урало-Поволжья, на бессознательном уровне применяет мотив, связанный со сном, вещим сном, который вызывает устойчивую реминисценцию на фольклорный мотив сновидения. В поэме сюжетобразующий фольклорный мотив распадается на череду следующих мотивов: Йусуф видит необычный вещий сон с намеком на божество, сон, который в последствии осуществится и принесет всем радость и счастье; святой Якуп видит свой вещий сон с намеком на смерть (волк похищает одну из его 11 овец, под которым понимается гибель Йусуфа); неродная дочь Якуба Дина также видит сон о смерти Йусуфа; Малик, сын Дагира, видит сон, связанный с мирскими заботами и делами, т. е. с миром смертных (сон сулил ему богатство – купив задешево прекрасного раба, он сможет разбогатеть, продав его за дорого) и т. д. В решении судьбы главного героя в поэме, таким образом, художественно используется мотив

«вещего сна». На этот мотив в произведении неизменно возлагается важная идейно-эстетическая нагрузка: на долю прекрасного Йусуфа выпадают испытания, которые он должен преодолеть и стать пророком в будущем (Gali Kul, 1985: 25; Hubbitdinova, 2016: 56).

Современная башкирская проза часто включает в свое эпическое полотно мифологическое воззрение народа, его верования и сакральные знания. Образом, аккумулирующим их, к примеру, является образ волка, являющийся тотемным животным многих тюркских народов, башкир в том числе. По древней этногенетической легенде волк – *буре* дал название башкирскому этнониму – *башкорт* – баш+корт (*баш* – главный, *корт* (*корт*) – волк на тюрк.). В легендах чаще всего волк обнаруживал лучшие земли для жизни народа (легенды «Откуда произошло слово «башкорт», «Откуда произошел башкорт», «Река Буреле», «Семь родов») или является демиургом, способствующий зарождению рода башкорт, выросшего до этнонима («Волче племя»). Данное животное в особенности ярче всего отразился в женской прозе современной башкирской литературы – в трилогии Г. М. Якуповой «Женщины», романе Т. Х. Гариповой «Буренушка».

На образ волка в романе Тансулпан Гариповой лежит значимая идейно-эстетическая нагрузка. Пойманная волчица по кличке Кукбуре (на русском языке означает «небесная волчица») живет в неволе во дворе Муратовых и активно переплетается с героями романа. Данная волчица является архетипическим образом и отсылает героев в прошлое героини Барсынбики-Фаузии, в роду которой данный хищник является тотемным животным, поэтому и отношение к нему иное, не враждебное. В произведении он до конца несет свое охранительное бремя и всегда присутствует рядом с продолжателем рода Ихсанбаем – сыном Барсынбики-Фаузии, и их судьбы как бы развиваются параллельно. Знания автора о тотемной силе образа волка, его сакральную семантику позволили ей проникнуться в природу этого мифического образа, на который в произведении возлагается важная художественно-эстетическая функция хранителя священного рода (Garipova, 2009).

В трилогии Гульнур Якуповой «Женщины» также изображается тотемный священный волк. Его также подобрали в лесу, однако он все равно остается верен природе и стремится с нею слиться. Так же как и

пес, выросший в волчьей логове, желает жить среди людей, а не хищников. Все дело в том, что старик Ахмадин во время охоты забрал у волчицы ее щенка, а взамен оставил собачьего [24, с. 180]. Если о первом щенке сельчане знали больше, то о судьбе другого ничего не было известно. Но спустя время тот оставленный в лесу пес вернулся в деревню к людям. Как выяснилось, волчица щенка не только не обидела, но и вскормила его своим молоком, привила навыки хищника, другими словами, приняла его как своего родного. Конечно, песий щенок рос среди диких хищников и стал похож на своих новых сородичей. Однако не озлобился и не озверел, а вспомнил свой родной дом, двор и вернулся. В данном случае волчица предстает перед нами как истинная мать, которая заботится о чужом дитя. Даже в мире людей не всегда найдется человек, решившийся вот так вскормить и воспитать совершенно чужого ребенка. В данном случае, с одной стороны, волчица как оберег, культурный архетип является тотемом рода, с другой стороны, выполняет в произведении важную идейно-художественную, эстетическую функцию, которая заключается в олицетворении образа истинной матери как образец высокой нравственности, человечности и гуманности. В романе Г. Якуповой можно встретить немало подобных изображений мифологизированной фауны, а также фауны, которые придают произведению особый колорит самобытной этнической традиционной культуры башкир.

Помимо волка в романе Т. Гариповой изображается еще один образ, вызывающий устойчивую аллюзию на башкирский народный эпос. Это – корова, надо сказать, главный образ романа, названный «Буренушкой». Этот образ, как идея, лейтмотив проходит красной нитью по всему произведению, на которую нанизываются микросюжеты, герои, персонажи романа. Так, в башкирском народном творчестве известен эпос «Кунгыр-буга», в котором повествуется о том, как спустя годы потомок коровы бурого цвета, подарок-приданое героини Тандысы, уводит все стадо рогатого скота обратно на ее родину. Стадо пока шло вдоль по хребту Уральских гор проложило тропу. Этим эта корова осталась в памяти народа, который олицетворял ее как священную. Например, основателем многих тюркских племен считается огуз – угез, т.е. бык или корова. Так, согласно шежере, такие башкирские рода, как сольют, туркмен, тикэй своими корнями восходят

к огузским племенам и т.д. (Sagitov, 2009: 103). Дорога, проложенная коровой, идущей во главе стада, позже стала очень удобным, стратегическим путем для отхода от нападений извне или, наоборот, для противостояния врагу.

В романе «Буренушка», видимо, автором не зря был избран данный образ, как потомок той самой бурой коровы, и упоминается эта дорога башкир, благодаря которой они одерживали славные победы, защищая родную землю от иноземных захватчиков (Garipova, 2009: 320). Корова в романе олицетворяет собой символ благополучия, удачи – кот, а также женское начало как продолжателя и хранителя семьи, рода. С уходом этой удачи, может прийти несчастье. Героиня эпоса Тандыса, видимо, знала об этом, поэтому не смотря уже на свой далеко не молодой возраст, пускается в догонку за стадом и настигает его уже у себя на родине. В романе Т. Гариповой события разворачиваются более всего прозоично и трагично: в годы войны у семьи Гульбану, состоящую из трех детей и бабушки, отбирают недавно отелившуюся корову, якобы у отца, который в это время был на фронте, остался долг перед государством. После конфискации единственной кормилицы для семьи настали трудные времена. Автор сравнивает этот момент со смертью: «...в избе Насибуллиных воцарилась унылая тишина, какая устанавливается после выноса покойника, лишь сверчки наперебой свистели за печью» (Garipova, 2009: 13). Такое сравнение в романе приводится неспроста, оно как бы подготавливает почву для более страшного события. Гульбану, желая восстановить справедливость и вернуть семейную собственность, пешком отправляется в районный центр. Однако ей не удается довершить начатое, потому что она повстречалась с волчьей стаей, которая и губит ее. Иными словами, утрата благополучия – кот в виде кормилицы и хранительницы, потомка священной коровы Кунгыр-буга, в дом, действительно, приходит горе. Именно поэтому при упоминании названия романа Т. Гариповой, на ум читателя, имеющего представление о башкирском народном творчестве, приходит сюжет известного эпоса.

Таким образом, если в средневековой башкирской литературе, в поэме «Кисса-и Йусуф» Кул-Гали важным в развитии сюжета являются традиционные мотивы «Вещего сна», то в современных романных Т.

Гариповой и Г. Якуповой мифический образ волка наделен глубоко сакральным и тотемным свойствами. В обоих произведениях на волка или точнее волчицу, как женского начала, продолжателя волчьего рода, возлагается важная идейно-эстетическая художественная функция, она как бы эксплицитно связана с образами женщин в романах, их судьбы, в какой то, степени даже складываются параллельно. Самый пожилой представитель своего рода Барсынбика-Фаузия, как старая волчица Кукбуре цепляется за жизнь и старается передать свои знания и жизненный опыт своим внукам – продолжателям рода. Волчица же, вскормившая чужого детеныша – песьего щенка олицетворяет женщину-мать, вообще, и мать Нурии, в частности, которая не избавилась от своего дитя, находящегося в утробе (не пошла на аборт), а проявила терпение пережить временные невзгоды, сложившиеся в отношениях с мужем, сберечь и родить свое родное дитя на свет (Якурова, 2013: 5). Данный образ – образ тотемного хищника играет решающую роль в завязке и развязке основного конфликта, придает сакральную окраску сюжету произведения.

Заключение

Таким образом, эпические традиции формировались, складывались в художественно-эстетическом мышлении веками, претворялись в эпических памятниках, отшлифовывались, передаваясь в эпосах из поколения в поколение, что также являлось традицией, обычаем. Таковым являются эпосы «Урал-батыр», «Акбузат», «Акхак-Кола» и т.д. В последнем эпосе о животных традиционный мотив «Вещего сна» помогает развитию основной сюжетной линии, способствует зарождению конфликта и ее развязке. В идейно-эстетическом, идейно-тематическом смысле в них общечеловеческие нравственно-этические принципы переплетались с дидактическим, поучительным началом, заветом и мудростью древних. В этом заключается самобытность и этническое своеобразие башкирского эпоса.

Литературное же произведение, являясь плодом индивидуального творчества, часто обращается к фольклорным традициям – обрядам и обычаям, сюжетобразующим мотивам, образам, которые художественно трансформируются в произведении, подвергаясь

авторской обработке в зависимости от замысла, идейно-тематического составляющего произведения; наделяются своеобразной художественно-эстетической функциональностью, заключающуюся в зарождении, развитии, развязке конфликта, мотивы, в частности, дают толчок развитию новой сюжетной линии и т.д. В литературном творчестве всегда присутствует имплицитная или эксплицитная отсылка на мотив или сюжет народной сказки, эпоса, мифологического воззрения народа, что наблюдали в случае с романом Т. Гариповой «Буренушка», пронизанной идейно-эстетическим своеобразием эпоса «Кунгур-буга». В нем всегда есть намек на традиции устного народного творчества, что помогает раскрыть семантику изображаемого образа или природу развивающегося сюжета, что помогает иметь представление о самобытном духовном мире народа, его картине мира и мировоззрении. Так, раскрываются своеобразия и самобытность верований в силу и значимость тотемного животного – волка в рассмотренных романах современной башкирской литературы. Известный из народных сказок традиционный мотив «Вещего сна» в средневековой поэме Кул-Гали «Кисса-и Йусуф» также выполняет важную художественную функцию в развитии, как основного сюжета, так и микросюжетов, которые также служат обогащению и наращиванию первого. В этом выражается народность литературного произведения, его художественно-повествовательный уровень и мастерство писателя.

REFERENCES

- BELETSKIY, A. İ. (1964) İzbranniye trudi po teorii literaturı / Pod obşç. red. N. K. Gudziya; sost. i primeç. A. A. Gozenpuda. - Prosveşçeniye, Moskva.
- BELOV S. V. (1972) Statya A. Bema o traditsiyah Puşkina v tvorçestve Dostoyevskogo // Russkaya literatura XIX veka. Voprosi süjeta i kompozitsii / Redkol. G. V. Krasnov (otv. red) i dr. Gorkiy: GGU, Moskva.
- FREYDENBERG, O. M. (1988) Sistema literaturnogo süjeta // Montaj. Literatura. İskusstvo. Teatr. Kino / Sostavitel: M. B. Yampolskiy. Nauka, Moskva.
- GALİ KUL (1985) Skazaniye o Yusufe / Per. s türksk. S. N. İvanova. Tatknigoizdat, Kazan.
- GARIPOVA, T. X. (2009) Burenuşka: roman-epopeya. Kitap, Ufa.
- HUBBİTDİNOVA, N. A. (2016) Folklor v başkirkoy literature: hudojestvenno-estetičeskiy aspekt (XIII - naçalo XX veka). Gilem, Ufa.

- HUBBITDINOVA, N. A. (2020) Obraz «yabloko» v folklornom soznanii (na materiale başkirskogo narodnogo tvorçestva) // Filologiya i çelovek. Barnaul.
- LEVI-STROSS, K. (1985) Struktura i forma // Zarubejniye issledovaniya po semiotike folkloru / Sost. E. M. Meletinskiy, S. Ü. Neklüdov. - Nauka, Moskva.
- MELETINSKIY, E. M. (1986) Vvedeniye v istoričeskuyu poetiku eposa i romana, Nauka, Moskva.
- MIRBADALEVA, A. S. (1977) Ural-batır. Başkirskiy narodnyy epos / Avt. issled.; avt. komment. A. S. Mirbadaleva i M. M. Sagitov; Başkirskiy tekstı podgot. M. M. Sagitov, A. İ. Harisov; per. N. V. Kidayş-Pokrovskoy [i dr.]; otv. red. N. V. Kidayş-Pokrovskaya, (Epos narodov SSSR). (Na başk. i russ. yaz.). Nauka, Moskva.
- MERGEN, K. (1961) Epiçeskiye pamâtniki başkirskogo naroda, Başknigoizdat, Ufa.
- PROPP, V. Ya. (1986) İstoriçeskiye korni volşebnoy skazki. İzd-vo LGU, Leningrad.
- PUTILOV B. N. (2003) Folklor i narodnaya kultura. Peterburgskoye Vostokovedeniye, Sankt-Peterburg.
- SAGITOV, M. M. (1972) Başkirskoye narodnoye tvorçestvo: Epos. T. 1. / Sost., avtor vstup. st. i komment. M. M. Sagitov. Otvet. red. A. İ. Harisov. Başknigoizdat, Ufa.
- SAGITOV, M. M. (1987) Başkirskoye narodnoye tvorçestvo: Epos / Sost. M. M. Sagitov, komment. N. T. Zaripov, M. M. Sagitov, A. M. Suleymanov. Başknigoizdat, - Ufa.
- SAGITOV, M. M. (2009) Mifologičeskiye i istoričeskiye osnovı başkirskogo narodnogo eposa. Kitap, Ufa.
- SILANTEV, İ. V. (1999) Teoriya motiva v oteçestvennom literaturovedenii i folkloristike: Oçerk istoriografii. - İDMI, Novosibirsk.
- SKAFTIMOV A. P. (1972) Nravstvenniye iskanıya russkih klassikov. Hudoj. lit., Moskva.
- SULEYMANOV, A. M. (1981) Başkirskoye narodnoye tvorçestvo: Skazki. Kn. 4. / Sost., avtor vstup. st. A. M. Suleymanov, komment. L. G. Barag, A. M. Suleymanov. Otvet. red. S. A. Galin. Başknigoizdat, - Ufa.
- SULTANGAREYEVA, R. A. (1998) Semeyno-bitovoy obrâdoviy folklor başkirskogo naroda. Gilem, Ufa.
- ŞKLOVSKIY V. B. (1983) O teorii prozi. Sovetskiy pisatel, Moskva.
- TOMAŞEVSKIY, B. V. (1960) Puşkin i Frantsiya, Sovetskiy pisatel, Leningrad.
- VESELOVSKIY, A. N. (1989) İstoriçeskaya poetika, Vişşaya şkola, Moskva.
- YAKUPOVA, G. M. (2013) Jenşçini: trilogiya. - Kitap, Ufa.
- YUNUSALIYEV, B. M. i dr. (1984) Manas: kirgizskiy narodnyy epos. 1 kn. / Sost. i podgot. teksta: B. M. Ünusalıyev i dr.; per. A. S. Mirbadalevoy, N. V. Kidayş-Pokrovskoy i dr.; komment. A. S. Mirbadalevoy i dr. Nauka, Moskva.